

На правах рукописи

БАРДАМОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

**ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА БУРЯТ**

Специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

005010648

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

9 ФЕВ 2012

Улан-Удэ – 2012

Работа выполнена на кафедре русского языка
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук
Дамбуева Полина Петровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Шагдаров Лубсан Доржиевич

доктор филологических наук
Биткеева Айса Николаевна

доктор филологических наук
Хантакова Виктория Михайловна

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Калмыцкий
государственный университет»

Защита состоится «29» февраля 2012 г. в 13.00 часов
на заседании диссертационного совета Д 003.027.02 в Учреждении
Российской академии наук Институте монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения РАН по адресу: 670047,
Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Бурятского научного центра СО РАН по адресу: 670047,
г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, ул. Сахьяновой, 6.

Автореферат разослан « 25 » февраля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Цыбикова Б-Х.Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена решению актуальной научной задачи комплексного исследования концептов *Пространство* и *Время* в бурятском языке.

Пространство и время являются формой существования объективного мира, всех его объектов, событий, происходящих в нем, базовыми компонентами жизни и сознания человека, теми универсальными категориями внеязыковой действительности, которые не раз становились предметом изучения специалистов разных областей знаний. Данные категории однозначно признаются онтологически, т.е. теми ключевыми понятиями, на которых строится вся познавательная деятельность человека. Философов интересовал в первую очередь вопрос, являются ли данные формы реально материальными или это чистые ментальные конструкты. На начальном этапе философы относят их к чистой абстракции. Научные идеи Ньютона, Лейбница, Лобачевского, Б. Римана, Эйнштейна послужили базой формирования современного понимания времени и пространства как сущностей, бытие которых неразрывно связано с материальным миром, в котором они выступают элементами многообразия всего сущего на Земле.

Ранняя лингвистическая мысль рассматривала *время* как грамматическую категорию глагола. С развитием антропологической парадигмы знаний в науке возник интерес к роли человеческого фактора в языке. В свете последних достижений в области когнитивной лингвистики появилась возможность изучать *пространство* и *время* в статусе концептов, единиц семантического пространства, демонстрирующих культурные особенности восприятия и осмысления фрагментов внеязыковой действительности. При описании содержания концептов используются лингвистические методы, сопровождающиеся когнитивной интерпретацией, в результате чего на базе выявленной информации о признаках объективной реальности реконструируется языковая картина мира (далее - ЯКМ), которая отражает ментальность народа, его мировидение и миропонимание. Анализ языкового материала позволяет обнаружить специфику восприятия и осмысления окружающей действительности представителями той или иной языковой общности.

Отдельные фрагменты русской языковой картины мира изучены и достаточно исчерпывающе описаны в работах Ю.Д. Апресяна,

В.Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова, Г.В. Колшанского, Е.С. Яковлевой, В.В. Колесова, И.Б. Левонтиной, С.М. Толстой, Е.В. Урысон, О.Ю. Богуславской, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, В.А. Масловой и др. Реконструкции и выявлению национальной специфики ЯКМ посвящены работы Н.И. Толстого, С.Е. Никитиной, Т.В. Цивьян, Т.В. Топоровой. Вопросы типологических и универсальных признаков, способных раскрыть закономерности в познании мира и его описания в языке, разрабатываются Ю.Д. Апресяном, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, А.Е. Кибриком, Б.А. Успенским, Б.М. Гаспаровым, В.А. Звягинцевым. К универсальным онтологическим категориям авторы относят категории пространства и времени. В русском языкознании анализу времени и пространства с точки зрения их онтологической (познавательной) сущности посвящены исследования М.В. Всеволодовой, Е.С. Яковлевой, Г.В. Звездовой, Ю.С. Степанова, В.Н. Топорова, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Цивьян, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, А.В. Кравченко.

В монголистике проблема категории *пространства и времени* подвергалась анализу в трудах Н.Л. Жуковской, Л.Г. Скородумовой, которые изучали вопрос пространственно-временного континуума в мифологическом аспекте. Впервые об особенностях отражения времени у монгольских народов было заявлено Г.Ц. Пюрбеевым: автор выявил своеобразие в понимании пространственно-временного плана бытия кочевников и определил ряд особенностей в хронологии и хронометрии событий. В бурятоведении проблема времени исследовалась в основном как грамматическая категория глагола (Г.Д. Санжеев, Д.Д. Амоголонов, Т.А. Бертагаев, Ц-Ж.Ц. Цыдыпов, Ц.Б. Цыдендамбаев, Г.Ц. Пюрбеев, В.М. Егудорова, В.И. Рассадина). Функциональный анализ полипредикативных конструкций отражен в работах Г.Д. Санжеева, Д.Д. Амоголонова, Д.А. Алексеева, Т.А. Бертагаева, Ц-Ж.Ц. Цыдыпова, Л.Д. Шагдарова, В.И. Рассадина, Д-Н.Д. Доржиева, М.Р. Сандановой, Е.К. Скрибник, Д.Е. Даржаевой. Собственно вопросам отражения представлений о времени в языке посвящены труды В.И. Семеновой, В.М. Хамагановой, Д.Д. Санжиной. Описывая временные значения, Готовын Туяа в своем диссертационном исследовании обращалась к проблеме объективации фонового национально-культурного компонента. Даяндорж Алтанцэцэг рассмотрела универсальное и специфическое в календарной лексике древнерусских и древнемонгольских памятников. Вопросы отображения этноспецифичных

черт языковой личности на материале английского, русского и монгольского языков получили развитие в работе Ринчен Батсурен. Э.Б. Дамбиевой категория времени интерпретирована в аспекте функциональной грамматики на основе четырех основных понятий: аспектуальности, временной локализованности, таксиса и темпоральности, отражающих внутреннее время действия, особый тип соотношения внутреннего и внешнего времени, отношение действия во времени и внешнее время действия.

Актуальность исследования определяется все возрастающим интересом к месту и роли пространственных и временных идей в формировании национальной лингвокультуры. Известно, что пространство и время как фундаментальные свойства бытия определяют специфику ментальности этнического коллектива, обуславливают уникальность временных и пространственных планов его жизнедеятельности. Изучение взаимоотношения объективной действительности и субъекта познания, отраженные в языке, представляет научный интерес с точки зрения особенностей его когнитивного моделирования, анализ последнего позволяет обнаружить процессы обобщения знаний о номинируемых понятиях. Для лингвистической интерпретации в высшей степени актуальным является, наряду с проработкой представлений о содержании, структуре и свойствах пространства и времени, исследование универсальных и этнических построений феномена изучаемых категорий, а также соответствующих этим представлениям новых систем знаний: этических, социальных, аксиологических и др. Современный этап в развитии лингвистики носит интегративный и систематизирующий характер, предполагает комплексный междисциплинарный подход с целью выявления структуры данных онтологических сущностей, когнитивных признаков и способов их выражения, грамматических средств их реализации. Предлагаемый в работе подход когнитивной интерпретации позволяет выявить модели и структуры, базирующиеся на ментальных механизмах структурирования знаний о пространстве и времени, определить место номинируемых концептов в национальной концептосфере, установить закономерности и степень участия пространственных и временных измерений в формировании поведенческих приоритетов, бытовых традиций и этических регламентаций.

Объектом исследования стали репрезентируемая бурятским языком и отраженная в дискурсе темпоральная и пространственная

лексика, грамматические средства выражения пространственных и временных идей.

Предмет исследования – способы и средства категоризации и концептуализации времени и пространства в бурятском языке.

Новизна работы определяется тем, что на монографическом уровне предпринята попытка комплексного и междисциплинарного исследования сущности, содержания и специфики концептов *Пространство* и *Время*.

Проведенное исследование позволило выявить не только универсальные слои концептов, но и национально-специфические аспекты категоризации и концептуализации, отражающие своеобразие восприятия, постижения сущности номинируемых категорий и отражения их в языке. Впервые осуществлено исследование множественности способов интерпретации пространственного и временного фрагментов бурятской языковой картины мира, выявлена связь между представлениями о пространстве, времени и аспектами культурной традиции. Сформулированы принципы определения значимых фрагментов пространственной картины мира, выделены инструменты членения пространственного и временного континуума как в горизонтальной, так и в вертикальной проекции, дано обоснование и определены механизмы формирования комбинативной семантической структуры парных слов; выявлены когнитивные признаки минимальных неопределенных промежутков времени. Охарактеризованы основные пространственные метафоры и аксиологические временные логемы как регуляторы приоритетов и основных этических норм.

Цель данного исследования заключается в выявлении разноразличных средств экспликации пространственных и временных смыслов в бурятском языке с последующим определением их универсальных и культурноспецифических характеристик.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

- 1) анализ изученности категорий пространства и времени в смежных гуманитарных науках и лингвистике;
- 2) выявление основных моделей пространства и времени в бурятской лингвокультуре и определение их качественных и количественных характеристик;
- 3) определение основных способов категоризации пространства и времени в бурятском языке;

4) выявление разноуровневых средств представления пространственных и темпоральных знаний в языке;

5) установление и интерпретация основных моделей, единиц, кодов времени и пространства на уровне семантической системы языка;

6) выделение универсального и национально-специфического в осмыслении и вербализации пространственного и временного континуума;

7) характеристика образно-метафорической и аксиологической составляющих изучаемых концептов, имеющих выход на пространственные и темпоральные нормы, этические установки, правила и стратегии.

Методологической основой диссертационного исследования послужили работы в области лингвокультурологии (Ю.С. Степанов, В.Н. Топоров, О.А. Корнилов, В.А. Маслова, С.Г. Воркачев), в которых изучена взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования, интерпретации этого взаимодействия в системной целостности. В процессе анализа фактов языка учитывались общие положения о времени в области философии (И. Кант, А. Бергсон, Э. Гуссерль), хронотопа в нарратива (М.М. Бахтин), культурной грамматики (Э. Холла). В данной работе пространство и время в языке рассматриваются как концепт, продукт когнитивной деятельности человека, как «обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания». Изучение разноуровневой репрезентации многомерной и сложной структуры концептов проводилось в свете учения о языковой картине мира, под которой понимается исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности (В. фон Гумбольдт, В.И. Постовалова, Б.А. Серебренников, Ю.Д. Апресян, Е.В. Урысон, О.А. Корнилов, С.В. Лурье, Н.Д. Арутюнова, Анна А. Зализняк).

При разработке проблемы языкового моделирования *пространства и времени* теоретической и методологической базой послужили материалы и труды монголоведов: Н.Л. Жуковской, Л.Г. Скородумовой, Г.Ц. Пюрбеева, Г.Д. Санжеева, Д.Д. Амоголонова, Т.А. Бертагаева, Ц-Ж.Ц. Цыдыпова, Ц.Б. Цыдендамбаева, Л.Д. Шагдарова, В.И. Рассадина, В.М. Егодуровой, Г.Р. Галдановой, Н.Б. Дашиевой.

Материалом исследования послужили языковые единицы, извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических источников (Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь; Краткий толковый словарь бурятского языка / науч. ред. А.Н. Содномов; Цыденжапов Ш.Н.Р. Бурятско-русский фразеологический словарь; Тагаров Т.Б. Фразеологические единицы в языке бурятской прозы: словарь-справочник), сборников бурятских пословиц и поговорок (Мадасон И.Н. Буряад арадай оньһон үгэнүүд; Будаев Ц.Б. Оньһон үгэ оншотой), материалы художественных произведений Х. Намсараева, Б.С. Санжина, Ч-Д. Ц. Цыдендамбаева и других бурятских писателей.

Методы и приемы исследования. В работе применялись методы концептуального анализа, целью которого выявление и описание способов категоризации пространственных и временных сегментов на основе интерпретации их выражения в языке. Широко использовалась комплексная методика описательного анализа и его приемы (наблюдение, интерпретация), а также метод анализа словарных дефиниций, компонентный, семасиологический, словообразовательный анализ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Структура пространственного фрагмента языковой картины мира находит репрезентацию в комплексе разноуровневых средств языка. Определенные фрагменты пространственной картины мира имеют статус значимых реалий бытия, отражающих представления членов этнического коллектива об идеальном жизненном пространстве, им присваиваются символическое значение и коннотативные ассоциации.

2. Языковая модель пространства обретает структурную форму и упорядоченность в результате использования в качестве инструмента описания следующих оппозиций: *баруун* `правый, западный` / *зүүн* `левый восточный`, *урда* `вперед, южный` / *хойно* `сзади, северный`, *нюур тала* `фасадный` / *ара тала* `тыльный`, *хүйтэн* `холодный` / *халуун* `горячий`, *дээрэ* `верх` / *доро* `низ`, *нютаг газар* `родная земля` / *хари газар* `чужая земля`. В бурятской языковой картине мира представлена оригинальная система координат ориентации, специфика которой заключается в строгой фиксации позиции фигуры говорящего к фону: лицом на юг, спиной к северу, что является причиной появления неспецифичных номинаций сторон

света: правый – западный, передний – южный, левый – восточный, тыльный – северный.

3. Композитная пространственная семантика парных слов эксплицирует динамическую и статичную модели интерпретации пространства; в рамках динамической модели обозначаются параметрические характеристики объектов, их границы, способы преодоления пространства; в рамках статичной модели – топологические свойства, его протяженность, особенности поверхности. Семантический сдвиг парных слов и обобщенность значений – результат семантических перерасположений, контаминации, семантических модификаций, метафоризации и сложения сем.

4. В бурятском языке представлены два типа локализации и ориентации: вертикальный и горизонтальный. Вертикальный тип предусматривает проекцию вертикального членения на горизонтальную перспективу. Вертикальная проекция имплицитно иерархию фрагментов пространства, их масштаб, природную силу. Для горизонтального типа характерна ориентация относительно сторон света, фигуры говорящего, участка пространства, пространственно-го объекта, дейктического центра.

5. Пространственные представления выступают той базой, на основе которой формируется система знаний других семантических полей: аксиологических, временных, этических, социологических. В качестве инструмента метафоризации языком эксплуатируется система пространственных оппозиций: *дээрэ* `верх` / *доро* `низ`, *урда* `впереди` / *хойно* `зади`, *дүтэ* `близко` / *холо* `далеко`, *ута* `длинный` / *богони* `короткий`, *нааша* `сюда` / *сааша* `туда` и др.

6. В бурятской лингвокультуре представлены три модели времени: линейная, циклическая, генеалогическая. Возрастные апеллятивы отражают древнюю традицию исчислять социальное и биологическое время, когда координатой временных циклов социальной жизни являются идеи смены поколений и возрастной иерархии.

7. Линейная модель имеет вертикальный и горизонтальный векторы. Вертикальная проекция устанавливает иерархию субъективного времени, определяет временную перспективу событий. Горизонтальная модель используется для хронологизации и хронометрии.

8. Концептуализация временного промежутка происходит на основе механизмов сокращения, отделения, разделения на части,

отграничения, что позволяет обозначить дискретность природы времени.

9. В бурятском языке конвербы способны создавать полипредикативные конструкции, гетерогенные по своей временной природе, в которых они выполняют функцию детерминантов, устанавливая логические и временные отношения между действиями и ситуациями, передают различные таксисные отношения.

10. Синкретизм различных аксиологических характеристик времени свидетельствует о нерасчлененности представлений о времени в сознании языковой личности. В аксиологических логемах под временем понимается ритмическая упорядоченность бытия. Оценочные представления о времени отражают не объективные характеристики данной сущности, а субъективное восприятие тех или иных временных фрагментов и отношение к ним, регламентирующее приоритеты и этические нормы.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что работа вносит вклад в дальнейшую разработку этнолингвокультурологических исследований языка, в процессе которых предусмотрено рассмотрение фактов языка в широком спектре взаимодействия с другими гуманитарными дисциплинами. Такой подход позволил расширить рамки исследуемого материала и обогатить результаты изучения пространственной и временной картин мира. Была поставлена и решена проблема национальной специфики в осмыслении пространства и времени, выявлены и интерпретированы базовые языковые модели пространства и времени, обосновано существование генеалогического кода исчисления времени.

Практическая значимость заключается в том, что результаты диссертационного исследования могут получить дальнейшую реализацию в работах теоретического и лексикографического плана, найти практическое применение в качестве дополнительного материала при разработке других дисциплин гуманитарного профиля при рассмотрении временной и пространственной философской и научной картин мира. Материалы исследования также могут быть использованы в практике преподавания таких дисциплин, как лексикология, когнитивная семантика, лингвокультурология, лингвострановедение, социолингвистика, а также при чтении других спецкурсов и спецсеминаров.

Апробация работы. Основные выводы и результаты диссертационного исследования отражены в двух монографиях «Пространство в языковой картине мира бурят» (Улан-Удэ, 2011, 11, 6 п.л.), «Время в языковой картине мира бурят» (Улан-Удэ, 2011, 11, 5 п.л.), 10 публикациях в рецензируемых изданиях, 24 статьях. Общий объем публикаций по теме диссертационного исследования составил 636 с. (37 п.л.). Материал исследования используется в практике преподавания курса «Сопоставительное и типологическое изучение русского и монгольского языков» магистратуры направления 032700.68 Бурятского государственного университета.

Основные положения и содержательная часть работы обсуждались на конференциях разного уровня: Форуме русистов АТР (Улан-Батор, 12-14 июня, 2007), на заседаниях круглого стола «Евразийский фронт» (Улан-Батор, 2007, 2011), на конференциях «Живой язык: теоретические и социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков» (Элиста, 2007), «Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира» (Северодвинск, 2007), «Россия в Монголии: история и современность» (Улан-Батор, 2008), международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Тамбов, 2008), «Этнокультурное и фольклорное наследие монгольских народов в контексте истории и современности» (Улан-Удэ, 2008), «Россия-Азия» (2008, 2011), «Язык и ментальность» (Алматы, 2009), «Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия» (Улан-Удэ, 2009), «Язык - Общество - Время» (Алматы, 2010), «Языки и письменные источники монгольских народов» (Конвент монголов мира) (Улан-Удэ, 2010), «Языки Сибири и сопредельных регионов» 3-я Международная научная конференция по самодистике (Новосибирск, 2010), «Монгольское руссиеведение: современное состояние и перспективы» (Улан-Батор, 2010), научно-методическом семинаре «Динамика развития языковой ситуации в монгольском мире» (Улан-Удэ, 2010), «Монголия - Россия: новые парадигмы отношений» (Улан-Батор, 2011), «Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал» (Барнаул, 5-7 октября 2011), конгрессе монголоведов мира «Монголия внешних отношений и опыт» (Улан-Батор, 9-13 августа 2011 г.), «Язык как система и деятельность», посвящ. 80-летию А.Н. Тихонова (17-18 ноября 2011).

В соответствии с поставленной целью и задачами диссертация имеет следующую структуру: введение, два раздела, шесть глав, заключение, литература.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяются объект и предмет исследования, формулируются его цель и задачи, научная новизна, практическая значимость, описываются методы исследования.

Раздел 1 «Пространство в языковой картине мира бурят» состоит из трех глав, в которых рассматриваются языковые средства бурятского языка, репрезентирующие пространственные смыслы с использованием методики когнитивной интерпретации, а также моделирования содержания концепта *Пространство*, определения роли пространственных представлений в формировании других систем знаний.

Глава 1 «Категоризация пространства в традиционном мировоззрении бурят» посвящена описанию представлений носителей бурятского языка о пространстве, национальной специфике его категоризации и концептуализации.

1.1. Ориентация человека в пространстве. Бурятская языковая модель пространства выражается комплексом разноуровневых средств. Анализ материала бурятского языка показал, что в сознании и языке присутствуют образы разных типов пространства. Так, пространство концептуализируется как бесконечная протяженность, универсум, в котором располагается весь сущий мир, например, *дэлхэй, дайда*. При этом целостность и протяженность не исключают его членимость, ассоциации целого формируются в единении его частей: языковое сознание четко выделяет отдельные его сегменты, структурируя и наделяя их смыслом, семантизируя. В основе членения - инструментальные оппозиции: *баруун / зүүн, урда / хойно, нюур тала / ара тала, хүйтэн / халуун, дээрэ / доро, нютаг газар / хари газар, эрэ / эмэ* и др. Пространство в сознании бурят эгоцентрично. На справедливость данного определения и для бурятской пространственной картины мира указывает, например, факт существования антропоцентрической пространственной ориентации, в которой стороны света в горизонтальной плоскости определяются относительно определенного положения фигуры говоряще-

го. Ориентационная система бурят предполагает применение обязательной координатной сетки, устанавливающей фигуру говорящего в положение, когда за спиной находится север, впереди простирается южная часть горизонта, справа – западная, слева – восточная. При этом правильным считалось любое движение по солнцу, то есть с востока на запад по местности. Для монгольских народов осмысление и освоение пространства имели горизонтально-концентрическую траекторию с наличием центра и периферии.

1.2. Измерение пространства. Установление дискретности пространственной организации мира позволяет говорящему не только определять его доступность, видимость, наблюдаемость, а значит, и постижимость, но и определять пространственные отношения между его частями. Языковое описание пространства на начальном этапе строится на основе понимания идеального жизненного пространства, в котором члены этнического коллектива выделяют ряд ключевых объектов, наделяя их символическим содержанием и ассоциативными коннотациями. В представлениях об идеальном жизненном пространстве вписаны гора и степь как центр и периферия, противопоставленные по принципу сакральный – профанный, теплый-холодный, имеющий или не имеющий поведенческие регламентации сегменты пространства. Одновременно происходит осознание личного пространства, описание дома и освоенной территории, его структуры и категоризации частей, наделение их семантической нагрузкой (*эрэ / эмэ, баруун / зуун, урда / хойно, нюур тала / ара тала, хүйтэн / халуун, дээрэ / доро, нотаг газар / хари газар* и др.). Язык избегает конкретизации метрических описаний и заостряет свое внимание на топологических свойствах, функциональном назначении его обязательных элементов, строгом предписании в расположении одного относительно другого.

Для вербального моделирования пространственного континуума языковое сознание выбирает помимо ориентационных и метрические характеристики: объем, размер, форму, расстояние между ними и др. Количественные измерения пространства у бурят осуществляются с использованием антропометрической, зооморфной, перцептивной и временной лексики. В ходе исследования выявлено, что механизм определения пространственных размеров был связан не столько с фиксацией точного количественного показателя, сколько с оценочной деятельностью, и носил на начальной стадии сравнительный характер. Предметы окружающего мира подверга-

лись сравнению с человеком и его размерами, с домашними животными и их размерами, с временными отрезками различных видов хозяйственной деятельности.

1.3. Парные слова как средство объективации пространственных идей. К национально-специфическим средствам в осознании и отражении пространства в языке нами отнесены парные слова, сложные наименования, как правило, состоящие из морфологически однородных лексем, принадлежащих к одному тематическому ряду или одному семантическому полю. Наблюдения над их семантической структурой выявили актуальность различных сфер пространственной картины мира для ее познания и освоения. Композитные соединения обозначают параметрические характеристики передвижения в пространстве, положение описываемого объекта, топологические свойства местности, ее размер, протяженность, границы. Установлено, что концептуальное единство парных слов бурятского языка обусловлено семантическими и структурными закономерностями. Так, формируемое синонимами единство образа служит усилению смысла в результате адресации к одним и тем же или близким понятиям исходных слов: *эхи заха 'начало'*. Другая пропозициональная структура предполагает наличие родового понятия и аргумента: *үлгэн дэлхэй 'земные просторы'*, *һарьдаг мундарга 'гольцы'*. Семантическая близость может обеспечиваться сочетанием слов, каждое из которых конкретизирует определенное место, при этом одно из них имеет более частную семантику, другое – инвариантную: *айл тицгэн 'село'*, *аян зам 'путь'*. Количественно-разделительные отношения актуализируют структурно-семантический тип, основанный на партитивных отношениях: *ой модон 'леса'*. Для собирательной модели характерна отнесенность к совокупности отдельных предметов или понятий в отвлечении от последних: *үүлэ манан 'тучи'*, *болдог боори 'бугорки'*. Агентивная модель эксплицирует активность объекта описания, соотносящуюся в первую очередь с пространственной конфигурацией объекта в виде интегрированных перцептивных образов: *үһэрхэ эрзыхэ 'ощетиниться'*, *хотирхэ бэтирхэ 'извиваться (о дороге)'*. В результате семантического сдвига, возникающего на основе модификаций и семантических трансформаций, т.е. семантических переразложений и контаминаций, метафоризации, сложения сем, достигается не только вариативность содержания в репрезентации пространственных идей, но и максимальная степень обобщения смысла.

Глава 2 » Ключевые образы пространственной картины мира» посвящена рассмотрению культурно значимых пространственных образов, вписанных в комплекс положительных представлений носителей языка об идеальном жизненном пространстве.

2.1. Гора. Структурная организация геопространства, отраженная в языковой картине мира бурят, представлена рядом ключевых пространственных сегментов, заключающих в себя культурные, символические, когнитивные и другие значимые для человека реалии внешнего мира. Установлено, что для бурят таковыми выступали гора и степь, поскольку носителями языка признается релевантность целостных и непротиворечивых культурных смыслов, связанных с данными объектами, содержательный текст которых регулярно воспроизводится в ритуалах и обычаях культурной традиции.

Гора как один из базовых элементов ландшафта, конституирующих пространство жизнедеятельности рода, фиксируемых в языке как символический знак ориентации, воспринимается как сакральное место, граница освоенного пространства, отличительная черта территории, место единения рода. В результате метафорической концептуализации лексема гора участвует в системе аксиологических оценок, выступает координатой абсолютного верха в возрастной временной модели, используется для выражения идей оппозиции *жизнь – смерть*. По представлениям древних бурят и в соответствии с традицией захоронения усопших предков в горных расщелинах, души умерших трансформировались в горы: *хада гэр* 'кладбище, могила', *хада гэртээ харитарга* 'до гробовой доски'.

2.2. Земля. Основные представления бурят о земле отражены на фразеологическом уровне и включают разносторонние ассоциации. *Газар* используется для определения территории рода, центра этнического космоса, выступая, с одной стороны, символом существования человека: *баян газар, газар нутаг*; синонимом земной жизни как таковой: *энэ газарта байха* 'жить на этой земле', *газарта биш болохо* 'появиться на этой земле'). Членами этнического коллектива признается важная этноинтегративная функция родной земли. С другой стороны, входит в состав устойчивых выражений, обозначающих уход человека в мир иной: *газарта булаха* 'предавать земле'. Анализ фразеосемантического поля *газар* 'земля' выявил несколько когнитивных признаков, среди которых доминантный - территория проживания с соплеменниками. Данное типовое представление послужило стимулом идиообразования 'существова-

ние в брэнном мире': газарта бии болохо 'появиться на этой земле. Отсутствие родственников понимается как личностная неуспешность: газар дээрэ гарбалгүй 'без роду и племени' (букв. на земле без родных). Газар выступает измерителем расстояния: хараанай газар 'расстояние, видимое глазом'. При этом неспособность человека преодолевать определенное расстояние выступает индикатором его физической немощи: газар хороохоёо болохо 'утратить физическую силу'. Газар конкретизирует следующие когнитивные признаки: 1) существование + инициация: газар шоройдохо 'жить+научиться ходить'; 2) территория + родина: газар уһаа һанаха 'скучать по родным местам'; 3) место + учреждение: хутэлбэршлхы дээдэ газар 'высший руководящий орган'; 4) ситуация + обстоятельство: ядаһан газар 'затруднительное положение'. В бурятском языке газар является символом абсолютного низа и актуализирует идеи безысходности, глупости, болезни, смерти: газар мүргэхэ 'попасть в неловкое положение', газардаха 'оказаться в безвыходной ситуации', газардалга 'тупик'.

2.3. Степь. Степь принадлежит к ключевым характеристикам культурного ландшафта бурят. Языковой материал демонстрирует, что данный фрагмент пространственной картины характеризуется денотативными и коннотативными признаками, наличием аксиологического и ассоциативного компонентов, которые в целом объективно отражают характерные его признаки. Степь – это обобщенное представление о мире кочевника: тала хээрэ – девственная равнина, образ всей Земли, природное богатство; территория неокультуренного пространства, противопоставленная дому: хээрэ хонохо 'ночевать в степи'; источник материальных благ: хээрын ногоон амттай 'трава в степи вкусная'. Отсутствие территориальных границ предполагает снятие поведенческих ограничений, поэтому степь признается локусом потенциальной мужской активности: баян талын хэишэг, бардам эрын олзо 'щедрость и богатство степи – находка для щедрого мужчины'. Тала для бурят - место перемещений и направление ориентации в пространстве: далай дээрэ уһаша бэрхэ, дайда дээрэ газарша бэрхэ 'в море нужен человек, знающий акваторию, в степи газарша - начальник'. Языком тала используется в качестве аксиологического оператора: танилтай хүн талын шэнэнэн, танилгүй хүн альганай шэнэнэн 'человек, имеющий друзей, широк, как степь, человек, у которого нет друзей, узок, как ладонь'.

2.4. Харгы, зам (дорога) в бурятской языковой картине мира. Пространство дороги семантически неоднородно: оно структурировано по вертикали и горизонтали, используется для аксиологической характеристики личности. Буряты – в прошлом движущийся, кочующий этнос. Вступление человека во взрослую жизнь обозначается обыденным сознанием как способность перемещаться, иметь свой путь, выполнять свое предназначение: *ябалдаа орохо, уялаа зохёохо* 'обрести свою стая, войти в силу'. По материалам языка, путник – личность неординарная, креативная, способная к покорению необжитых пространств: *төөрижэ ябаһан хун түрэлөө олодог* 'заблудившийся человек родственника найдет', *ута харгы алхамһаа эхилдэг* 'дорогу осилит идущий', *эрэ хүнэй жолоо ута* 'у мужчины длинная дорога'. При этом признается, что дорога – территория потенциальной опасности, что сформировало ряд культовых обрядов, призванных задобрить покровителей транспортной артерии и тем самым устранить возможные невзгоды. Такие обряды совершались в местах пребывания духов *бариса* и *обоо*. *Харгы, зам* осознается как пространственная материализация времени жизни, отчетливо связанная с идеей судьбы: *наһанай ябадал* 'жизненный путь', *үнэн харгы* 'праведный путь'. Дорога жизни подчинена воле человека, обусловлена различными оценочными установками, в том числе и религиозными. Ядерные смыслы концепта актуализируются также лексемами *жолоо* 'возжси, способ управления обстоятельствами жизни', *хуби заяа* 'судьба, участь', *зорилго* задача, намерение'; *зүг* 'направление'.

В Главе 3 «Пространственные аспекты языковой категоризации» рассматриваются средства выражения семантики предела, национально-специфические способы объективации пространственных отношений.

3.1. Выражение пространственных отношений при помощи падежных форм именных частей речи. Основную роль в репрезентации пространственных отношений в бурятском языке играют послелогии, отражающие результат осмысления пространственных локализаций или ориентаций. Падежно-послеложными конструкциями указываются отношения соположения объекта или действия относительно другого предмета или пространства (внутри, рядом, над или под ориентиром), траектория перемещения, определяется исходный или конечный пункт движения. Для лингвистической модели локализации объектов и ситуаций применяется точечный, ли-

нейный и окружный сценарий. При этом фоновое пространство членится языком на ряд топологических зон относительно выбранного ориентира: локус непосредственной близости, внутренняя зона фрагмента пространства, поверхность ориентира, положение фигуры относительно данной поверхности, однородность или неоднородность множественной организации пространства, фасадная или тыльная сторона ориентира. Следует отметить, что фасадная ориентация в бурятском языке остается неизменной и не зависит от позиции фигуры наблюдателя, в некоторых случаях фон и фигура могут рассматриваться и описываться как обращенные друг к другу.

3.2. Языковые средства выражения семантики предела. В репрезентации семантики пространственного предела в бурятском языке используются лексические единицы вторичной номинации. Языком эксплуатируются метафоры вершины или бездны: *хадын орой* 'вершина горы', *гүүн газар* 'глубь земли'; результата или тупика: *эсэстэ хүрэтэр* 'до конца', *газарай мухар* 'край земли'; корня: *үндэһэ үзүүр* 'начало, источник'. Денотативно синонимичное пространство обозначают локативы, воспроизводящие идею угла: *булан тохой* 'край земли'. Конечная часть пространственного объекта может кодироваться при помощи зооморфизмов и соматизмов: *һүүлэй вагон* 'последний вагон', *сомоо толгойлох* 'вершить копну', *ара гэрһээн баруушаа талиша* 'от крайнего дома на запад отправиться'. Обнаруживаются единичные метафоры, не имеющие признаков закономерности, но демонстрирующие особенности процесса осмысления понятия *предел*. К таким относится использование идеи *острие* для обозначения *конца*: *үзүүр үзүүргүй* 'без края и без начала'. За выражением *хая хадхажа һууха* 'жить по соседству' (букв. *стену протыкать*) также стоит метафора *острие*, на это указывает глагол *хадхаха* 'вонзать'. Появление этой вторичной номинации восходит к тем временам, когда границу между живущими рядом помечали, воткнув в землю заостренный предмет. Семантическое содержание начального ядра, на котором располагаются или укреплены другие его части, представлено в *хормой* 'основание, подножие': *уулын хормойдо* 'у подножия горы'. Предел в пространстве в бурятском языке позволяет разделить его на сегменты в четком соответствии с особенностями чувственного восприятия, на котором основывается их семантизация, например: *голой адаг* 'устье реки'. С помощью границ физических предметов носитель языка определяет место объекта в пространстве: *түрүү ябадаг*

'быть в авангарде' (букв. *вперед идуций*), *захын айл 'крайний дом'*; не прибегая к описанию его отличительных признаков: *газарай заха 'глухомань, отдаленное место'*; формирует суждение о целом: *эхинһээ адаг хүрэтэр 'от начала до конца'*.

3.3. Пространственная семантика экзистенциальных глаголов. В бурятском языке часть бытийных глаголов ориентирована на определение пространственной параметризации объектов, выполняя при этом качественную предикацию. Репрезентация пространственных идей в нашем случае строится по принципу профилирования (Albertrazzi, 2000), под которым в когнитивной семантике понимается механизм формирования значений, подразумевающий фокусирование внимания на отдельном концептуальном признаке, в результате которого высвечивается конкретный участок в пределах соответствующей когнитивной области или определенной зоны внутри. Существование широкого перечня глагольных лексем, облигаторным компонентом которых выступает сенсорный, визуальный признак, отражает специфику бурятской языковой картины мира, для которой характерно восприятие, осмысление и выражение в языке предметов окружающего мира, в первую очередь, при помощи фиксации параметрических особенностей и отличий. Характерным является то, что мир и объекты, его организующие, воспринимаются во всей целостности проявления их особенностей, при этом кодируются наиболее существенные и важные для носителей языка признаки, репрезентирующие основу пространственных знаний носителей языка. Это позволяет определить тип мышления как ассоциативно-образный, что существенно отличается от логико-вербальной западной когниции. Факультативным компонентом данных глаголов является импликация способа приобретения отличительных параметрических признаков, прототипическими ассоциативными элементами которых выступают указания на множественность, увеличение в объеме и числе, большая, чем следует по норме, рассредоточенность в пространстве, охваченность по всему периметру, нарушение вертикальной или горизонтальной прямой и др. Существенно, что в фокусе внимания оказывается не само пространство как таковое, а реальные объекты или субъекты его конституирующие. Заслуживают внимания закономерности в оценке их параметров. Известно, что количественный компонент чаще всего рождает в языке оценочный. В данном случае положительный аксиологический оператор наблюдается у лексем, референтами кото-

рых выступают целостные, большого объема фигуры. В то время как объекты с незамкнутыми или выдающимися частями, углами, а также плоские фигуры имплицитно отрицают отрицательную коннотацию.

3.4. Пространственные метафоры. Анализируя особенности представления пространственных отношений в языке, механизмы и модели структурирования опыта носителей языка о внешнем мире, приходим к выводу, что метафора выступает одним из основных инструментов познания, переработки, оценки и хранения информации. Пространственные представления выступают той базой, на основе которой формируются знания о различных системах через обращение к близким и понятным пространственным идеям, сложившимся в результате чувственного опыта. Согласно теории концептуальной метафоры в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний, когда одна понятийная область описывается в терминах другой. Принято вычленять сферу-источник и сферу-мишень. В бурятском языке выявлено несколько сфер-мишеней, на которые проецируются пространственные идеи: время, например: *уни холын* `давний`, *нэгэ забһараар* `в свободное время`; социальные характеристики, например: *ара барлаг* `батрак`, *хойшоо татаха* `препятствовать`; личные характеристики, например: *бэээ нарин абаад ябаха* `вести себя осмотрительно`, *ута гартай* `нечистый на руку`; характеристики действия, например: *хии талаар зря, впустую*, *сэхэ хэлэхэ* `говорить прямо`, *тойруулан хамтаруулха* `сплачивать`; жизнь, судьба, поведение, например: *харгы нээхэ* `открывать дорогу для успешного осуществления намеченных планов`, *харгылуулха* `наставлять на истинный путь`, *зүггүй* `беспутный`. В качестве сфер-источников языковое сознание выбирает систему пространственных оппозиций, способных профилировать в единицах вторичной номинации полярные характеристики: верх - низ, глубокий - мелкий, толстый - тонкий, впереди - позади, близко - далеко, длинный - короткий, туда - сюда, наполненность - пустота. Метафорический выбор не случаен: бинарные оппозиции изначально позволяют не только легко и точно описать непространственные сущности, чаще всего абстрактные, но благодаря своей природной антиномии задают возможность аксиологической интерпретации.

Раздел 2 «Время в языковой картине мира бурят».

В Главе 4. «Категоризация времени в бурятском языке» рассматриваются вопросы национальной специфики концептуали-

зации и категоризации времени в бурятском языке, описаны его топологические свойства и основные языковые модели времени.

4.1. Время как предмет изучения. В параграфе приведен обзор научных трудов известных отечественных и зарубежных авторов: лингвистов, философов, психологов, социологов, культурологов – с целью определения исходного и данного в изучении времени, освещается степень изученности проблемы, определяются основные направления лингвистического анализа концепта *Время*.

4.2. Особенности отражения времени в языке. Анализ языкового материала показал, в бурятской языковой картине мира представлены три модели описания времени: циклическая, линейная и генеалогическая. Циклическое время, наиболее архаичная форма осознания временной абстракции, возникло и отражено языке на основе наблюдений повторяемости природных циклов, смены дня и ночи. Под генеалогической моделью понимается шкала времени, единицей отчета которого выступает время жизни одного поколения. Каждое поколение являлось эквивалентом единицы времени, равной примерно 25-30 годам, преемственность поколений обрела наглядность и реальность. Такая связь с циклическим восприятием времени как и отчетливое проявление генеалогического мышления свидетельствует о том, что эти представления о времени уходят в глубокую древность. Каждый бурят должен был знать свое генеалогическое древо не менее чем на семь поколений и свое место в нем. Линейная модель отличается определенным направлением. В бурятском языке она имеет вертикальную и горизонтальную проекции. Вертикальной координатой обозначается субъективное время, ее своеобразие заключается в том, что абсолютным верхом признается старость: *ундэр наһан*, низ маркирует младенчество и детство: *бага нялха*. Данный результат концептуального осмысления субъективного времени, по-видимому, обусловлен двумя факторами: во-первых, существованием древней модели мироздания монгольских народов, состоящей из нижнего, срединного и верхнего мира, согласно которой жизнь пожилого человека «ближе» всего к небу, к уходу в мир иной. Во-вторых, осознанием жизненного пути человека как восхождения к месту своего успокоения - последним пристанищем брэнного тела у бурят в древности служила гора, поэтому накопление ценного и актуального жизненного опыта и мудрости возвышало старцев и приближало к самой высокой точке в его жизни, переходу в новое состояние. На существование верти-

кальной оси времени указывает также факт существования наречия *орой* 'поздно', производное от *орой* 'макушка, вершина', которое демонстрирует понимание носителей языка о вертикальном движении времени, возможно, в прошлом имелась иная альтернативная, но ныне утраченная система временных координат, в которой соматизмы эксплуатировались в качестве единиц исчисления времени.

Горизонтальная проекция линейного времени также имеет свою национальную специфику. По материалам языка, в горизонтальном линейном времени человек обращен к прошлому, а неведомое будущее надвигается из-за его спины: например, *урданай саг* 'прежнее время' (букв. переднее время), *урда жэлдэ* 'в прошлом году' (букв. в переднем году), *хойшодоо* 'впоследствии' (букв. позади), *хойтодоо* 'в будущем' (букв. после). Возникновение таких языковых описаний отражает представления носителей языка о традиционализме уклада жизни, в котором прошлый опыт и строгое соблюдение регламентированных видов хозяйственной деятельности и поведения в быту являлось неременным условием благополучия и процветания. Согласно буддийской традиции, человек не заглядывает в будущее, а смиренно принимает ниспосланный результат деяний предыдущих поколений. Только прошлое понятно и упорядоченно, его плоды он созерцает и получает ответы на вопросы настоящего.

4.3. Объективация топологических свойств времени. В языковой модели времени отражены представления носителей языка об универсальных топологических его свойствах. Поскольку время связано с движением, последовательной сменой событий, топологические признаки реализуются, в первую очередь, при помощи глагольных форм, позволяющих установить временную упорядоченность, заложить векторное направление. Глагольными контекстами реализуются: дискретность временного потока, его способность к квантификации, дающая возможность измерения, например: *унги табиха* 'закладывать начало', *табан жэлэй түсэбөө бүтээхэ* 'выполнить пятилетний план'; континуальность и бесконечность временного плана: *тэнгэрийн үдэр барагдаха бэиэ, алтан наран унтархагүй* 'у бога дней много, золотое солнце не погаснет'; соотнесенность с моментом речи и другими точками отсчета: *тэрэ гэлэнхээ хойшо тэргэлдэг* 'с того времени сторонится', *ерэн сасу* 'как только приехал'; количественная и качественная его сущность: *һара саана нуужэ гараһан* 'месяц тому назад переселился', *дута-*

жа зобожо гараха 'преодолеть период нужды и лишений'. Для обозначения временных пределов широко используются пространственные смыслы, реализующие: 1) начало временных промежутков: *эхи табиха 'положить начало'*; 2) начало действия: *гүйдэлдөө орохо 'сдвинуться с места, начаться какому-либо делу' (букв. в бег войти)*; 3) зарождение какого-либо эмоционального состояния: *этигэл түрэхэ 'вызвать доверие'*; 4) начало продолжительных действий или состояний, которые употребляются для обозначения временных интервалов: *үдэшии боро хараан захалба 'начало смеркаться'*; 5) конечный момент события или состояния, в экспликации которого участвуют глаголы с семантикой завершения действия: *тэмсэлээ эсэслэхэ 'закончить борьбу'*; 6) конечность временного периода, имплицитруемая его результатом: *һалхин буураа 'ветер стих'*; 7) временной смысл исчерпанности: *ядарал зоболон туйлажа гараха 'преодолеть невзгоды'*. Время понимается в этом случае линейной совокупностью продолжающихся моментов, в пределах которых можно выделить зарождение, развитие, завершение, а иногда и результат событий, а для говорящего временные изменения ассоциируются с рождением: *түрэхэ*, результативностью: *бүтээхэ*, запасом, который можно тратить и употреблять: *бараха 'исчерпать'*. Национально-специфичным является свойство некоторых бытийных глаголов актуализировать временную область пространственного бытия кочевника, например: *зуһаха 'проводить лето'*, *намаржаха 'проводить осень'*, *үбэлжэхэ 'зимовать'*, *үдэрлэхэ 'проводить день'*. Как видим, концептуальная модель времени в бурятской языковой картине мира складывается из понимания его дискретной и континуальной природы. Глагольные сочетания в бурятской языковой картине мира актуализируют временные значения соотнесенности относительно условной неопределенной точки отсчета: *эртэдэхэ 'являться раньше намеченного срока'*, *хожомдохо 'задерживаться'*; долговременности и кратковременности: *удаарантаха 'затягиваться'*, *ахилдаха 'торопиться'*; прерывности и непрерывности: *нилээдгүй үни болоһон хойно 'по истечении достаточного времени'*, *саг үргэлжэ 'все время, постоянно'*. Для субъекта речи интензивность и скорость времени зависят от качественного его содержания, так, пустое времяпрепровождение воспринимается как замедленное, затянувшееся: *унжагайруулха 'затягивать'*, *удаарха 'длиться, тянуться'*, в то время как насыщенность событиями и действиями обнаруживает высокую скорость протека-

ния: *амилхашье сүлөөгүй байха* 'быть занятым по горло', *хурдан-даа орохо* 'набирать темпы'.

4.4. Единицы измерения времени в бурятском языке. Анализ измерителей времени, номинирующих отдельные интервалы, показывает, что процесс осмысления временной абстракции происходил по пути развития семантики от конкретного временного интервала до широкого обобщения множества событий, разных по своей длительности. Темпоральные существительные называют временные отрезки, природные циклы, какой-либо определенный известный момент, обозначают одновременность, последовательность, прерывность и непрерывность его течения, участвуют в возрастных номинациях в рамках биологического времени. Доминантной единицей измерения является слово *саг*, интерпретирующее время событиями, его наполняющими, что позволяет говорящему определять его качественную характеристику: *сүлөө саг* 'свободное время', *сабишалгада оромоор саг* 'пора начинать сенокос'. Анализ лексических единиц показал, что время понимается как форма существования, проявляющаяся в длительности ситуации, неразрывно связанной с движением и изменением: *сагай хубилхада* 'с течением времени' (букв. когда изменилось время), *сагай ерэхэдэ* 'с наступлением времени'. Говорящий воспринимает данное движение не как линейно-поступательное, оно повторяется и имеет круговую направленность: *сагай эрьесэ* 'течение времени', что позволяет отнести лексическую единицу к циклическим интерпретациям времени в языковом сознании бурят. При этом *саг* эксплицирует количественные характеристики, участвуя в конкретных номинациях времени, и подвергается счету (*долоон саг арбан минута* 'семь часов десять минут').

Суть референции *он* 'год' заключается в представлении года как единицы исчисления продолжительных промежутков на временной оси координат, в основе которой лежит установленная линейная последовательность лет. *Жэл* 'год' выступает экспонентом особенностей личностного, а значит, переживаемого времени, его отражением в сознании индивида.

Количественно ограниченные временные промежутки, позволяющие структурировать объективное время на отдельные периоды, представляют научный интерес в когнитивном аспекте. Наблюдения над внутренней формой слов, обозначающих минимальные отрезки времени, позволяют определить базисные признаки, послу-

жившие основой их номинации, а значит, выявить особенности постижения сути самого явления. Анализ языкового материала демонстрирует наличие следующих семантических мотивировок: 1) сокращение: *агшан* 'мгновение'; 2) отграничение: *хэлэг* 'некоторое время'; 3) отделение: *хаһа* 'период'; 4) разделение на части: *хугасаа* 'срок'. В процессе осмысления времени носители языка рассматривали естественное его течение как объективную сущность, из которой можно извлечь и отделить некоторый промежуток и наделить его событийными границами и пределами. Зачастую гомогенность и самостоятельность отрезка времени определялась наличием или отсутствием солнечного освещения: *үдэр* 'день', *хоног* 'сутки', *һүни* 'ночь', фазами луны: *һара* 'месяц' или другими природными изменениями.

Единицей измерения генеалогического времени выступает продолжительность жизни одного поколения, под которым понимается общность людей близкого возраста, объединенных одной деятельностью: *үетэн* 'ровесник, сверстник', *залуу үетэн* 'молодое поколение', *урда үеын зон* 'старшее поколение'. *Үе* в бурятском языке отражает представления бурят о времени, изменение которого обусловлено сменой поколений. Семантический переход от конкретного количественного содержания, равного биологическому времени одного поколения, к более широкой абстракции позволил через *үе* выражать временные смыслы безотносительно к человеческой жизни или возрасту, сохраняя при этом семантический признак неопределенно короткого промежутка: *таатай үе* 'подходящий момент', *үе үе болоод лэ* 'время от времени', *түүхэтэ үе* 'исторический момент', *үеын үедэ* 'во веки веков', *дайн үе* 'военное время'.

Выделенные и рассмотренные единицы измерения времени служат для обозначения отдельного конкретного момента, представляющего измененное состояние мира, выступают элементом бесконечной непрерывной временной цепи, устанавливают отношения взаимосвязи с другими ее звеньями, реализуют два объективно противопоставленных свойства времени – способность выступать совокупностью моментов, наделенных границами, и формировать понятие повторяемости и непрерывности.

4.5. Обозначение временных идей при помощи парных слов. Национальную специфику в описании времени обнаруживают парные слова бурятского языка. Пропозициональную структуру временных координат определяют конкретно-чувственные наблюдения

носителей языка над природными ритмами и астрономическими явлениями. Парными словами передается прерывность временного потока, вычленяется временной интервал, определяется скорость развития ситуации, актуализируются идеи повторяемости и периодичности, формируется представление о непрерывности. Вариативность содержания достигается за счет семантического переразложения, контаминации и сложения сем лексических единиц, составляющих бинарное образование. В результате редупликации и сложения сем рождается обобщенность значения, т.к. эксплицируемая длительность и непрерывность распространяется на оба номинируемых отрезка времени, и бином начинает выполнять функцию гиперонима, например: *үдэр хоног* 'время, дни', *үе саг* 'пора, время, период', *урдын урда* 'давным-давно' и др. Комбинативное значение непрерывности на основе контаминации возникает у парных слов, образованных путем соединения антонимов: *зай забһаргүй* 'непрерывно', *забда залигүй* 'без перерыва' (букв. досуг, без паузы), *заха үзүүргүй* 'бесконечно' (букв. край, нет конца). Достижение временной абстракции у парных слов, выполняющих дейктическую функцию, становится возможным за счет семантического переразложения: *үглөө мүнөө* 'вскоре' (букв. завтра, сейчас), *үни заяанда* 'давно, когда-то' (букв. давний, в судьбе), *эхин түрүүн* 'сперва' (букв. первый, вначале). Часть из них, устанавливая временной порядок, вычленяя временные интервалы событий, сопоставляя их длительность и ритмичность, актуализирует значения повторяемости, придает им определенную временную структуру: *үе үе болоод лэ* 'время от времени, временами, порой', *хирэ-хирэ болоод* 'иногда', *ойро-ойро* 'часто'.

В Главе 5 «Репрезентация временных отношений в бурятском языке» рассматриваются грамматические средства выражения временных идей.

5.1. Дискурсивно-временные значения падежно-последовательных конструкций. Установлено, что во внутриязыковой модели времени последовательные конструкции формируют дискурсивные временные значения, в этом случае ими выполняется функция пропозиции, устанавливающей соответствие между реальным миром, интервалом времени и описываемым событием. На основе взаимодействия отмеченных выше компонентов задаются границы временных отрезков, например: *үбэлэй нюрганда* 'в течение зимы'; *хэдэн жэлэй шюурта* 'в течение нескольких лет'; указываются ко-

начная и начальная точки отсчета: *үглөө болохо дэргэндэ 'к утру', тушаажэ ябаһан шэгтээ 'в то время, когда я сдавал'*; актуализируются идеи периодичности или непрерывности действий и событий: *үдэиэ бури шахуу 'почти каждый вечер', минута бүхэндэ 'каждую минуту'*; происходит ориентация относительно момента речи или установленной точки отсчета: *һайндэрэй һуулхэнээр 'сразу после праздника', һуулэй үе хурэтэр 'до последнего времени', ошохоһоо урид 'до отъезда' (букв. отъезда впереди)*.

Подавляющее большинство контекстов строится на основе пространственных представлений: пространственная модель времени, присутствующая в той или иной степени в разных языках, в бурятском языке играет основную роль. Согласно ей время представляет собой векторную прямую, имеющую свое условное начало и конечный предел. Для объективации временных отношений языком используются послелого-соматизмы: *лицо, спина: үнгэрһэн намарай шарайда 'в течение всей прошлой осени', мүнөөдэрэй нюурта 'на сегодняшний день'*, позволяющие осуществить временную локализацию относительно говорящего. При выборе временных эталонов, эксплицирующих континуальность, предпочтение отдается тем соматизмам, которые имеют строго заданную пропорцию и размер. Промежуток времени воспринимается наивным сознанием как некое закрытое пространство, вмещающее в себе определенное событие, что естественным образом отражается на объективации этих представлений в языке: *һарын дотор 'в течение месяца' (букв. месяца внутри), наһан дотороо 'всю жизнь' (букв. возраст, внутри)*.

Количественные характеристики временных промежутков неопределенны, они не измеряются привычными показателями: чаще всего ориентиром служит другое событие, что отражает наивное понимание времени не как абсолютной самостоятельной субстанции, а как вторичной сущности, структура которой напрямую связана с событиями и ситуациями мира человека. Приблизительность и нечеткость точки отсчета и предела действия или события, а также регулярность отождествления времени путем сопоставления с одновременно или последовательно протекающими действиями, а также тот факт, что начало и конец временных промежутков зачастую находятся в одной точке, а иногда конец действия является началом другого, формируют идею бесконечности потока времени.

5.2. Конвербы как средство вербализации релятивного времени. Временные отношения, возникающие в результате percep-

тивных и когнитивных процессов отражения явлений и ситуаций окружающей действительности человеком, представлены в формах относительного времени и отражают самую древнюю форму осмысления данной категории. В них зафиксирована первоначальная стадия временных образов, когда длительность одного действия или события становилась ориентиром соположения его с другими событиями или действиями на временной оси. Одним из продуктивных средств описания релятивного времени в бурятском языке являются деепричастия, с помощью которых носители языка устанавливают логические и временные отношения между событиями и ситуациями, передают отношения предшествования, одновременности, параллельности и следования. Следует отметить, что в бурятском языке конвербы способны создавать как полупредикативные, так и полипредикативные конструкции, характеризующиеся, как известно, моно- и полисубъектностью. В научной литературе отношения предшествования, одновременности, следования именуются таксисом. Временные отношения следования в бурятском языке обозначаются предварительными, последовательными, продолженными деепричастиями, которые способны как задавать временную дистанцию между главным и добавочными действиями, так и устанавливать непосредственное контактное расположение одного за другим. При этом функция предварительных деепричастий заключается в точном определении момента начала основного действия: оно наступает сразу же после завершения действия, выраженного неличной формой глагола, ср.: *ушарһаар хонходохо* 'как только встретится, позвонит'. Последовательные деепричастия служат для описания ситуации, когда в один из моментов добавочного действия совершается основное: *үглөө болохолоор, хонидоо бүришье эртүүр бэлшээридэнь гаргажа һайнаар эдээлүүлээд, үдэрэй ааяма халуунда һүүдэртэй газарта тиирүүлдэг* 'когда наступает раннее утро, овец выгоняют на пастбище, чтобы с наступлением полуденного солнцепека отогнать их в затененное место', иногда добавочное действие служит точкой отсчета времени действия основного глагола: *багшын уншахалаар, һурагшад диктант бэшэжэ эхилбэ* 'как только учитель начал читать, ученики стали писать диктант'. Действие, выраженное конвербом, устанавливает каузальные временные отношения и служит не только для выражения следования одного события за другим, а скорее сопутствия ситуации глагола, устанавливая иерархию событий. Действия, предшествующие

щие основному, совершившемуся в прошлом, обозначаются разделительными деепричастиями: *тихэдэнь морин уурлаад, тахатай хүлөө таб байса дэбһэбэ 'тогда конь, взбрыкнув, начал яростно печатать железными подковами' [А.А. Тороев Онтохонууд]*. Условием существования таких отношений служит временная дистанция. К числу конструкций со значением предшествования относятся полипредикативные конструкции с продолженными деепричастиями. Момент завершения действия конверба может выступать точкой отсчета времени основного глагола: *тэрэ хабар үбгэдэй хэлэхээр ойро нааша үзэгдөөгүй шанга һалхин болоһон юм 'в ту весну, как старики рассказывали, был невиданный ураган' [Д.Д. Мункуев Саһан хайлана]*. Временные отношения последовательности способны устанавливать и соединительные деепричастия в том случае: 1) если предикат выражен глаголом, устанавливающим естественное следствие того, что обозначено деепричастием: *баядые һажсаажа барлаг болоо 'стараясь походить на богачей, превратился в батрака'*; 2) если валентность соединительных деепричастий реализуется словами, указывающими на последовательность действий: *ажал хэжэ, эрэ болодог, арһа элдэжэ, эхэ болодог 'когда трудиться, становишься мужчиной, выделявая кожу, становишься женщиной'*. Основной глагол в подобных предикативных конструкциях не может быть акциональным, его функция заключается в определении каузальных логических отношений.

Отношения одновременности реализуют конструкции с продолженными, соединительными, слитными, предельными, попутными деепричастиями. Так, количественность действия продолженного деепричастия выступает референтным временем второго, демонстрируя полную их одновременность: *хөөрэлдэһөөр, хүрээжэ ерэбэ 'разговаривая, незаметно дошли'*. Функцию локализации на оси времени выполняют соединительные деепричастия, актуализирующие параллельность или одновременность действий: *нэгэ морин ааяма халуун үдэр хүндэ тээбэри зүдхэжэ, сагаан хөөһэ гараса хүлэржэ ябаба 'жарким летним днем одна лошадь, взвалив на себя тяжёлый груз, с большим напряжением тащила его' [А.А. Тороев Онтохонууд]*. Синхронность событий достигается предикативными конструкциями со слитным деепричастием, обозначающим действие, происходящее одновременно с основным, уточняя и поясняя его: *хани нүхэсэлэй тэмдэг болгон, аһаагдаһан гааһаяа залаха, пулаад, хитад торгон хадаг бэлэглэхэ ёһо занишал Монголдо дэлгэрэн-*

ги юм 'самый распространенный в Монголии обычай – подносить гостям в праздник в знак уважения и дружбы зажженную трубку, платки, шелковый китайский хадак' [Д. Банзаров]. Совместность протекания основного и добавочного действий во многих контекстах со слитным деепричастием демонстрирует избыточность интерпретации деепричастием, что достаточно регулярно провоцирует в бурятском языке десемантизацию последнего, в результате которой конвербы начинают выполнять служебную функцию, например: байн 'стоя → потом', тойрон 'обходя → вокруг', угтан 'встречая → навстречу' и др.

В полипредикативных конструкциях с предельными деепричастиями как нельзя полно выявляется специфическая особенность бурятского языка определять длительность событийного времени продолжительностью другого действия, временные границы протекания основного действия устанавливаются временем добавочного действия: саһа мульһөөр хушагдатараа, амигуй болотороо хуйтэрнэ 'похолодало так, что все кругом стало безжизненно, покрывшись снегом и льдом' [Б. Санжин Заяанай зам]. Они не формируют описательно-статичный фон, а вносят динамизм развития ситуации: результативность произошедшего направлена в сторону будущего и создает почву последующих действий. При помощи предельных деепричастий осуществляется вычленение отдельных временных отрезков, ограниченных проявлением одного состояния, которые приобретают статус самостоятельности и независимости. Таким образом, носители языка квантифицируют временную последовательность, объективную сущность которой составляют непрерывность и длительность.

Значение совместно осуществляемого действия по отношению к основному глаголу реализуется попутными деепричастиями: Найдан үбгэн баясан, хэрмээ абажа, һэбжээд байтар һэжэрээд, ганзагадаа уяһанайнгаа һуулдэ Шонтолын баруун хэлбэг тээшэ шуумайба 'старик Найдан, обрадовавшись, что добыл белку, встряхнув и привязав к торокам, направился к правому склону Шонтолы' [М. Осодоев Баабгай дарга]. Семантика попутных деепричастий восходит к начальному этапу осмысления семантической категории одновременности как таковой. Одновременными понимались такие внеязыковые события и действия, которые аналогичны однонаправленному совместному передвижению в актуальном времени, т.е. времени непосредственного восприятия. Анализ полипредикатив-

ных единиц бурятского языка позволил выявить особенности членения временного фрагмента бурятской языковой картины мира. Так, осознание времени как совокупности отдельных интервалов находит отражение в способности языка рядопологать действия и события, а также в традиции определять и задавать длительность ситуации временем действия деепричастия. Во временной каузации, в первую очередь, можно обнаружить основы временного порядка, которые нашли свое дальнейшее развитие в построении линейной оси событийного времени. Временные значения, реализуемые конвербами в рамках релятивного времени, представлены несколькими признаками: предельности времени действия; его континуальности; каузативно-следственности, предопределяющей логическую и временную обусловленность одного события другим; временной зависимости основного действия от ситуации, выраженной полупредикативной конструкцией; параллельности описываемых событий; частичной одновременности; интенсивности действий.

5.3. Репрезентация временных идей при помощи неличных форм глагола. К специфическим средствам репрезентации относительного времени в бурятском языке относятся неличные формы глагола. Их можно отнести к так называемому пропозициональному компоненту высказывания, отображающему определенный фрагмент внеязыковой действительности. Причастия в бурятском языке чаще всего задействованы в качестве предикатов и поэтому специалистами именуются неличными формами глаголов.

Неличные формы настоящего-прошедшего времени обозначают действие, которое совершилось до момента речи: *үүдэн хүрээдэнь тулажа ерээ* `подъехали к воротам` (букв. к двери ограды подъехали вплотную) Временные идеи, имплицитные данными причастиями, заложены в самой семантике способов действия, ограниченному по времени или интенсивности его протекания, и часто понимаются как общие признаки лексических значений глаголов: *үнээ хаагаа* `корову подоил`, *үбһөө сабшаа* `сено накосили`. Временную абстракцию актуализируют: фазовость действия, выраженного неличной формой глагола: *һуугаа* `посидел`; временная обусловленность совершения действия: *дагжаран дараа* `замерзнуть до оцепенения`; многоактность осуществления действия: *тэрэ добо һалхинда саһаа доло үлээдэшиоо* `с того холма ветер совсем сдул последний снег; неоднаправленность действия производящего глагола, которое помимо семы отсутствия вектора движения деле-

гирует идею его процессуальности: *гүйгөө 'побежал', харайгаа 'помчался', ошонгоо ошоо 'бесследно исчез'*. В случаях, когда причастия настоящего-прошедшего времени функционируют в аналитических формах со связкой прошедшего времени, они актуализируют давно прошедшее время, например: *би тэрэ ябагшатай хамта нураа нэм 'с тем попутчиком я в школе вместе учился'*.

Причастиями прошедшего времени эксплицируется темпоральный признак результативного действия, совершившегося в прошлом. Обязательным условием манифестации названных единиц является обстоятельственная или субъектная детерминация, которая осуществляет грамматическую связь со всей последующей предикативной единицей и является ее распространителем, например: *тэдэ хоёр улаан сэрээгэй албанда сугтаа хоёр жэлдэ ябахандаа танилсаһан байгаа ха 'они, видимо, познакомились, когда два года вместе служили в Красной армии'*. Детерминанты выступают в роли темпорального классификатора, выполняющего дейктическую функцию: *газашаа гарахадам, хүрхэй хайхан үдэр болоһон байгаа 'выхожу на улицу (вижу) – прекрасный солнечный день наступил'*. Здесь можно говорить о языковой стратегии вычленения и идентификации временного интервала, реляционная длительность которого определяется двумя референтными ситуациями, воспринимаемыми как расчлененное и целостное единство одновременно. Такой способ квалификации временной длительности основан на фиксации периода, начало которому положено указанным действием неличной формы глагола в антецеденте, эллиптическая фиксация его продолжения подразумевается пропозициональной установкой. В тех случаях, когда причастия прошедшего времени употребляются со связкой в будущем времени, они акцентируют внимание на предшествовании возможного состояния в будущем, например: *үрхөөр гараһан унин огторгойдо тулажа байг, үүдээр ороһон үбгэд юрөөлөө үгээжэ байг '(букв.) дым, выходявший через дымник, пусть доходит до небес, старики, входившие в дом, пусть всегда благословляют вас'*. Такую же стратегию реализуют и предсубстантивные сочетания причастий прошедшего времени: *тэдэнэ ишэнэ байрада ороһон, хайнаар түбхинэнхэй ёһотой '(букв.) они, в новый дом вошедшие, хорошо, должно быть, устроились'*. Таким способом реализуется гипотетическая модальность предположительного развития описываемых событий, а форма прошедшего времени причастия указывает на возможный его результат, например:

хүсэһэн байгшаб 'как бы не догнали', довтолһон байгшаб 'как бы не напал'.

Другую временную локализацию демонстрируют причастия прошедшего времени в том случае, если выполняют адвербиальную функцию, например: *Гомбын хамаг бэе агзайжса хүшэһэн, толгойнь бага зэргэ үбдэжэ, халуурһан янзатай байна* 'Гомбо казалось, что все тело одеревенело, немного болела голова, поднялась температура. Действие, заявленное основным глаголом, осознается как совпадающее со временем описания ситуации, несмотря на то, что причастие формально репрезентирует прошедшее время. Такие контексты реализуют событийную панораму одного временного плана, когда форма прошедшего времени имеет адмиративное значение – говорящий включает себя во временной план уже произошедшей ситуации, используя стратегию подачи материала в форме непосредственных наблюдений. Автором достигается поставленная цель, если представляемая информация интерпретируется им как собственный чувственный опыт или собственные наблюдения.

Причастиями завершено-прошедшего времени передаются временные идеи завершеного в прошлом действия, которое при этом актуально и в момент сообщения о нем. Здесь можно говорить о перфектном значении, реализуемом данными неличными формами. Перфектное значение, определяющее значимость результатов предшествующих действий для настоящего момента, а значит взаимодействия двух темпоральных планов, в бурятском языке актуализируется в случае употребления причастий завершено-прошедшего времени в качестве сказуемого: например: *шимэ уулзалганууд заншалта болошонхой 'такие встречи стали традиционными'*. При этом перфектное значение реализуется неличными формами, мотивированными как глаголами действия: *Башка үбгэн тэргын була гү, али хоори һүүшээр сооложо һуутараа, һуха харайн гүйжэ ерэнхэй 'старик Башка, который пробивал долотом то ли ступицу, то ли деревянный обод колеса, вдруг резко вскочил и прибежал'*, так и глаголами состояния: *эрдэмтэ гэрэйнгээ хойморто, гуламтада ойрохон, эшэгы дээрэ хэбтэнхэй 'на северной почетной стороне дома, поблизости от очага, на мягком войлоке возлежит Эрдэмтэ'*.

5.4. Семантика наречий времени. Наречия современного бурятского языка участвуют в описании как объективного, так и релятивного времени. При реализации представлений об объективном

времени наречиями эксплицируются: неопределенная длительность действия или события: *наһандаа гэрһээнһ холо ошоогүй* 'всю жизнь далеко от дома не уезжал', *удаа дараагүй буудаха* 'стрелять беспрерывно'; неопределенная длительность с указанием начальной точки: *недондоһоо харагдагүй* 'не появлялся с прошлого года', *эртэнһээ таниха* 'с самого начала распознать'; неопределенная длительность с указанием конечной точки: *орой болотор хүдэлмэридэг* 'работает допоздна', *мүнөө хүрэтэр мэдэнэгүй байна* 'до сих пор не знает'; скорость действия: *бэлээр шанагадаг* 'быстро разваривается', *удаанаар хэжэ байдаг* 'делает все медленно'; повторяемость или периодичность ситуаций: *хирэ хирэ болоод лэ хүхюугээр энээлдэн байна* 'время от времени весело смеются', *дахин дабта* 'снова повтори'; точка или отрезок на временной оси: *сааддэр уншалга болохо* 'молебен состоится послезавтра', *углөнһөө эхлхэ* 'с утра начнется'. Для плана содержания наречий релятивного времени характерна ориентация описываемого действия относительно точки отсчета, отнесение его к моменту прошлого, будущего или настоящего, маркировка своевременности или срока завершения действия, определение фазы развития события или явления.

В Главе 6 «Средства выражения ориентации во времени» рассматриваются функции хронометрических средств ориентации во времени.

6.1. Календарь в бурятской языковой картине мира. Анализ языкового материала показал, что представления носителей о времени получают наиболее точную и строгую хронографическую фиксацию в народном календаре, где отражены наблюдения за астрономическими явлениями и установлены единицы его измерения. В нем отражен результат осмысления и обоснования соответствий между астрономическими изменениями, закономерностями в природе и деятельности человека. Народный календарь носит ярко выраженный антропоцентрический характер: на его основе характеризуются продолжительность и расположение временных отрезков в ряду других, координируется хозяйственная деятельность, строго регламентируются род занятий и поведенческие ограничения, семантизируются временные периоды. Наделение отдельных промежутков символическим значением свидетельствует о стремлении членов этнического сообщества упорядочить временную сущность

и способность синхронизировать организацию жизни родового коллектива.

6.2. Время и возраст человека. На периферии полевой структуры концепта *Время* находятся лексические единицы, в семантической структуре которых темпоральный признак выражен синкретично, т.е. в единстве с другими признаками, к составу таких нами отнесены возрастные апеллятивы, выражающие взаимодействие времени и физического состояния или социального статуса, в значении которых отражается жизненный путь человека. Возрастные апеллятивы отражают древнюю традицию бурят исчислять социальное время и хронометрировать его путем запоминания и подсчета *үе* `поколение` своего рода. Для обозначения возрастных различий язык эксплуатирует стереотипизированные образы поведения, половозрастные роли, признаки внешнего вида, социального статуса, содержательная структура которых апеллирует к денотативному и аксиологическому компоненту.

6.3. Аксиология времени. Описание концепта, как известно, предполагает исследование не только понятийного компонента, имеющего конкретное вербальное выражение, но и образно-метафорической и аксиологической его составляющих, поскольку концепт является проекцией элементов культуры. Аксиологические ориентиры, сформированные представителями бурятского этноса, конкретизируются в виде нескольких логем, объединяющих группы конкретных характеристик, отражающих оценку временных идей. Время понимается как ограниченный ресурс, неумолимый судья, мера труда, критерий успешности личности; провозглашается безусловная высокая значимость прошлых событий и настоящего момента, определяющие совокупность будущего благополучия и процветания рода,

Заключение содержит обобщенные выводы и результаты проведенного исследования концептов *Пространство* и *Время* на материале бурятского языка.

1. Пространственная и временная картина мира многослойна и многомерна. Модели пространства и времени в бурятской лингвокультуре находят реализацию в комплексе разноуровневых средств, выявлены лексические и грамматические средства их объективации.

2. При моделировании пространственно-временного континуума языком применяется горизонтальное и вертикальное его членение, позволяющее упорядочить многообразие внеязыковой дей-

ствительности. Горизонтальный вектор используется для локализации и ориентации на пространственной и временной оси, вертикальный эксплицирует иерархию пространственных объектов и временных фрагментов.

3. В результате анализа языкового материала выявлены интегральные топологические свойства и когнитивные признаки пространства и времени, описаны фоновые культурологические смыслы, характеризующие традиции, обычаи, национально-специфические представления, бытовую культуру, повседневное поведение, нормы.

4. Национально-культурная специфика содержания представлений носителей языка о пространстве и времени проявилась прежде всего в ассоциациях и механизмах категоризации описываемых фрагментов языковой картины мира, представленных во внутренней форме лексических единиц, в специфике оценочного восприятия, проявившегося в различном поведении бурят по пространственному и временному факторам.

5. Выявлены регулятивные функции пространственно-временных представлений, предписывающие селективный выбор инварианта благоприятного пространства бытия, регламентации его временной организации, на которых строится прогнозирование развития всей системы жизнедеятельности рода.

6. Определены особенности оценочного характера временных и пространственных приоритетов, на которых строятся другие социокультурные знания и нормы этнического коллектива.

Публикации автора

Монографии:

1. Бардамова Е.А. Пространство в языковой картине мира бурят. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 200 с.
2. Бардамова Е.А. Время в языковой картине мира бурят. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 196 с.

Статьи в рецензируемых изданиях:

1. Бардамова Е.А. *Харгы, зам* в бурятской языковой картине мира // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Филология. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. – Вып. 5. – С.23-29.

2. Бардамова Е.А. Модели времени в бурятской языковой картине мира // Вестник Читинского государственного университета. – Чита: Изд-во ЧитГУ, 2008. – № 6. – С. 77-82.

3. Бардамова Е.А. Человек и пространство // Вестник университета РАО. – М.: Изд-во УРАО, 2009. – № 3. – С. 27-31.

4. Бардамова Е.А. Семантика экзистенциальных глаголов в бурятском языке // Вестник университета РАО. – М.: Изд-во УРАО, 2009. – № 2. – С. 53-57.

5. Бардамова Е.А. Дискурсивные временные значения // Вестник Бурятского государственного университета. – Серия: Филология. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2009. – Вып. 8. – С. 14-19.

6. Бардамова Е.А. Семантика минимальных единиц времени // Вестник Читинского государственного университета. – Чита: Изд-во ЧитГУ, 2009. – № 5. – С. 118-124.

7. Бардамова Е.А. Пространственные метафоры в бурятском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. – Т.10. – Вып. 2. – С. 41-46.

8. Бардамова Е.А. Конвербы как средство вербализации релятивного времени // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Филология. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – Вып. 9. – С. 55-58.

9. Бардамова Е.А. Особенности семантики фразеологических единиц со словом *земля* // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2010. – Вып. 47. – № 29 (210). – С. 33-37.

10. Бардамова Е.А. Неличные формы глагола как средство выражения темпоральных отношений в бурятском языке // Вестник Бурятского госуниверситета. Серия: Филология. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. – Вып. 10. – С. 11-15.

Публикации в других научных изданиях:

1. Бардамова Е.А. Концепты *время* и *пространство* в языковой картине мира «Монголой нюуса тобшо» // Евразийский фронтир: общее ментальное пространство в русской и монгольской культурах: материалы междунар. круглого стола. – Улан-Батор, 2006. – С.18-21.

2. Бардамова Е.А. Ориентация человека в пространстве // Живой язык: теоретические и социокультурные аспекты функционирова-

ния и развития современных монгольских языков: материалы междунар. науч. конф. – Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2007. – С. 10-12.

3. Бардамова Е.А. Концепт *время* в бурятской языковой картине мира // Проблемы концептуализации действительности моделирования языковой картины мира: материалы междунар. науч. конф. – Северодвинск, 2007. – С. 113-119.

4. Бардамова Е.А. К вопросу о национальном и специфическом в языке // Концепт *национальное* в языке и литературе: материалы междунар. круглого стола. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. – С. 46-54.

5. Национально-специфическое в темпоральной лексике бурятского и русского языков // Гадаад хэл заах арга зүйл асуудал. – Улан-Батор, 2007. – № 15. – С. 86-88.

6. Бардамова Е.А. Время и пространство в бурятском языке // Гадаад хэл заах арга зүйл асуудал. – Улан-Батор, 2007. – № 16. – С.17-19.

7. Бардамова Е.А. Выражение пространственных параметров объектов бытийными глаголами бурятского языка // Россия в Монголии: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Батор, 2008. – С. 297-301.

8. Бардамова Е.А. О пространственных метафорах в бурятском языке // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. – Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2008. – С. 96-98.

9. Пространственные метафоры в бурятском языке // Этнокультурное и фольклорное наследие монгольских народов в контексте истории и современности: сб. науч. ст., посвящ. 100-летию Н.Г. Балдано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – С. 136-140.

10. Бардамова Е.А. Измерительная функция в языке // Россия-Азия: механизмы сохранения и модернизации этничности: материалы междунар. науч.-практ. конф. (18-21 июня 2008 г.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. – Вып. 3. – С. 104-106.

11. Бардамова Е.А. Послеложные временные конструкции в бурятском языке // Язык и ментальность: материалы междунар. конф. «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ. – Алматы: Изд-во Казах. гос. ун-та, 2009. – Т. 2. – С. 29-35.

12. Бардамова Е.А. Языковые средства выражения семантики предела // Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия: сб. тр. междунар. науч. конф. (9-13

сентября 2009 г.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 297-305.

13. Бардамова Е.А. Внутренняя форма темпоральных слов (на материале бурятского языка) // Языковая картина мира Байкальского региона: материалы регион. науч.-практ. конф. (27-28 мая 2009 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. – С. 29-36.

14. Бардамова Е.А. Выражение пространственных отношений при помощи падежно-последложных конструкций // Язык – Общество – Время: материалы междунар. конф. «Ахановские чтения» / науч. ред. Э.Д. Сулейменова. – Алматы: Изд-во Казах. гос. ун-та, 2010. – Т.2. – С. 138-143.

15. Бардамова Е.А. Полипредикативные конструкции в свете релятивного времени // Языки и письменные источники монгольских народов: материалы междунар. науч. конф., посвящ. Конвенту монголов мира. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – С. 205-208.

16. Бардамова Е.А. Выражение пространственных отношений (сопоставительный аспект) // Монгольское руссиеведение: современное состояние и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Батор, 2010. – С. 36-42.

17. Бардамова Е.А. Структурно-семантические особенности парных слов с пространственным значением // Материалы научно-методического семинара «Динамика языковой ситуации в монгольском мире» (21-22 октября 2010, г. Улан-Удэ). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. – С. 72-75.

18. Бардамова Е.А. Профессионально-ориентированный словарь как средство обучения языку профессии // Материалы международного круглого стола «Концепт национальное в языке и литературе». – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2011. – С.201-204.

19. Бардамова Е.А. Возрастные апеллятивы // Монголия – Россия: новые парадигмы отношений: материалы 6-й Международной научно-практической конференции. – Улан-Батор, 2011. – С. 72-75.

20. Бардамова Е.А. Время и возраст // Материалы I Международной научной конференции «Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал» (5-7 октября 2011 г., Барнаул). – Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2011. – С. 27-30.

21. Бардамова Е.А. Мотивационные модели темпоральных слов бурятского языка // Проблемы морфологии и словообразования монгольских языков: материалы международной научной конференции «История и опыт взаимодействия народов и цивилизаций: к 350-летию присоединения Бурятии к России. 28-30 июня 2011 г.». – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 154-164.

22. Бардамова Е.А. Время как ценность // Россия – Азия: ценностные установки и социальный опыт: сб. науч. ст. по результатам работы междунар. науч. конф. (16 – 19 июня 2011 г.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. – Вып. 4. – С. 92-96.

23. Бардамова Е.А. Аксиология времени // Язык как система и деятельность: материалы всероссийской научной конференции, посв. 80-летию проф. А.Н. Тихонова (17-18 ноября 2011): в 2 ч. – Елец: ЕГУ, 2011. – Ч.2. – С. 11-19.

24. Бардамова Е.А. Структурно-семантические особенности парных слов с временным значением // Актуальные проблемы монголоведения. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – Вып. 4. – С.87-101.

Подписано в печать 20.01.12. Формат 60 x 84 1/16.
Усл. печ.л. 2,15. Тираж 120. Заказ 9.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
riobsu@gmail.com